

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ И КЛАССИФИКАЦИОННОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ РЕЧЕВОГО АКТА УГРОЗЫ

Д. О. Жучков

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 5 июня 2009 г.

Аннотация: в статье определяется речевой акт угрозы и рассматривается его неоднозначная классификационная принадлежность. Наиболее оптимальным для раскрытия всего потенциала исследуемого коммуникативного действия представляется прагмалингвистический подход к анализу языка, принимающий во внимание не только лингвистические, но и экстралингвистические параметры, что позволяет анализировать их влияние на функционирование языковых единиц.

Ключевые слова: прагмалингвистика, дискурс, речевой акт, угроза.

Abstract: the article deals with the problem of defining and classifying the speech act of threat. A pragmatical approach to the language functioning allows to take both linguistic and extralinguistic criteria into account and thus to analyse their influence on the language units functioning in the flow of speech.

Key words: linguistic pragmatics, discourse, speech act, threat.

Чтобы определить особенности функционирования языковых единиц в речи, т.е. понять, как, где, зачем говорящий что-либо сообщает, предупреждает, угрожает, обещает, а также как слушающий распознает то или иное коммуникативное намерение говорящего, анализа словарных дефиниций слов, обозначающих то или иное речевое действие, недостаточно. Усложняет процесс опознавания и тот факт, что зачастую при реализации в речи того или иного коммуникативного действия используются языковые средства, предназначенные в системе языка для выражения других коммуникативных смыслов. Например, один приятель сделал другому подарок и слышит от него: *Oh, I'm gonna kill you! You shouldn't have! It's too expensive!* (х/ф А Touch of Frost).

В этом примере, как видно из общего смысла, говорящий тронут и смущен вниманием со стороны коллеги, но использует для выражения такого коммуникативного смысла высказывание *I'm gonna kill you*, в семантике которого ничто не указывает на какое-либо смущение со стороны говорящего. Напротив, такого рода высказывания обычно используются для выражения намерения причинить вред. Тем не менее, слушающий корректно распознает намерение говорящего, опираясь на совокупность определенных факторов.

Для того чтобы выделить и описать совокупность факторов, позволяющих нам интерпретировать речевое действие как угрозу, рассмотрим некоторые особенности реализации речевого акта угрозы в речи.

Как показывает этот пример, языковые единицы с «угрожающей» семантикой не могут служить прямыми маркерами коммуникативного намерения угрозы, тем более, что это коммуникативное намерение может быть вполне успешно реализовано с использованием нейтральной и даже положительно окрашенной лексики. Так, в юридической практике известен случай, когда вполне вежливый и корректный вопрос *How is David?* был расценен как прямая угроза [1].

Таким образом, форма высказывания не может служить критерием для определения речевого действия угрозы, и анализ того, в чем состоит это речевое действие, как оно реализуется и как оно опознается в речи, представляет сложную задачу.

В литературе предложены различные критерии выделения речевых актов, например, различия в цели данного типа акта, в выраженных психологических состояниях, в статусе говорящего и слушающего, в перформативном и неперформативном употреблении иллокутивного глагола и др. [2, с. 172—177]. Речевые акты разбиваются на классы, пересекающиеся в работах различных авторов. С позиции Теории речевых актов ряд исследователей [3—10] наряду с такими речевыми актами, как директив, репрезентатив, вокатив, перформатив, выделяют и угрозу, относя ее к разным видам речевых актов и определяя ее с различных позиций.

Так, Дж. Остин, наряду с вердиктивами (вердикт — приговор), экзерситивами (акты осуществления власти), выделял комиссивы (акты обязательств) [5, с. 119]. Однако сам Остин ставил под сомнение правильность такой классификации, так как разграничи-

вал собственно перформативные и неперформативные глаголы, когда выполняемый речевой акт может не совпадать с используемым в данной коммуникативной ситуации глаголом или же вовсе не иметь глагольного эквивалента (как, например, в случае с угрозой). Еще одним барьером для отнесения угрозы к какому-либо из классов является невозможность перформативного оформления данной коммуникативной интенции [11].

Дж. Серль, разграничивая иллокутивный и пропозициональный компоненты высказывания, в качестве видов речевых актов предлагает выделять директивы (X оказывает влияние на Y, чтобы Y совершил A — “Я приказываю”), экспрессивы (X выражает свое психологическое состояние по поводу A — “Я благодарю”), декларации (X, говоря A, делает A фактом — “Я увольняю вас”), а также комиссивы (X принимает на себя обязательства совершить A — “Я обещаю”) [2, с. 181—185], не относя при этом угрозу к какому-либо определенному классу. Д. Вундерлих разграничивает речевые акты по их функциям, выделяя угрозу в класс комиссивов и отмечая, что по их положению в дискурсе комиссивы либо инициативны, либо реактивны [12]. Дж. Лич в своей классификации опирается на риторические принципы и ориентацию на Принцип вежливости. Угроза в данной классификации относится к конфликтному классу (иллокутивная цель конфликтует с социальной целью) [9]. К. Бах предлагает классифицировать речевые акты в зависимости от употребляемых глаголов, учитывая выражаемое говорящим отношение, а также соответствующее ему определенное отношение со стороны слушающего. На данной основе автор относит предупреждение к директивным речевым актам, а обещание — к комиссивным [8]. В данной классификации угрозе также не отводится определенного места, что представляется логичным из-за невозможности ее перформативного оформления. Н. А. Бут в своей работе определяет иллокутивную функцию угрозы как изменение поведения собеседника либо как косвенную экспликацию «негативной оценки совершенного факта или события», а цель угрозы — как подчинение слушающего воле говорящего, называя при этом средством достижения этой цели запугивание [13]. Таким образом, автор по сути относит угрозу к директивным речевым актам.

Следует отметить, что, несмотря на разнообразие предлагаемых авторами процитированных работ подходов к анализу высказываний угрозы, практически никто из них не разграничивает собственно угрозу и директивное высказывание. Зачастую авторами попросту не учитывается, что это — различные речевые акты, как и тот факт, что целью угрозы не всегда является желание говорящего заставить адре-

сата выполнять какое-либо действие против его воли, поскольку угрозы могут осуществляться «сами по себе». Например, ребенок, похищенный преступниками, осознав, что справиться с ними он не в силах, угрожает им будущим гипотетическим вмешательством родителей: *My dad is going to kick your ass!* (х/ф *The Mummy Returns*).

В данном случае фокус высказывания оказывается на возмездии за совершенное действие (retaliation), т.е. актуализируется характер наносимого в ближайшем будущем вреда, и от реципиента не требуется выполнение какого-либо действия.

Игнорирование того факта, что ничто в буквальной языковой семантике многих высказываний, выражающих угрозу, не указывает на «угрожающий» смысл, а их коммуникативное значение актуализируется только в соответствующем контексте, приводит к тому, что ни в одной из приведенных работ не рассматриваются категориальные признаки и условия успешности речевого акта угрозы. Авторы приведенных работ выводят значение угрозы из семантики определенных языковых средств, не включая в рассмотрение высказывания, в составе которых не содержится лексических единиц со значением нанесения ущерба. Между тем, как мы уже отмечали выше, в естественной речи участники общения, с одной стороны, часто угрожают друг другу, не прибегая к использованию такой лексики, а с другой — используют эту лексику для совершения речевых действий, с угрозой никак не связанных.

Таким образом, ни один из рассмотренных подходов к анализу угрозы не позволяет в полной мере раскрыть суть этого коммуникативного действия и выявить закономерности его осуществления в естественной коммуникации. Решение этой проблемы, связанной с анализом несимметричных отношений между формой и содержанием в языке, требует рассмотрения не только языковых и семантических, но также прагматических параметров высказываний, выражающих угрозу.

В связи с этим, рассматривая сущностные признаки угрозы, необходимо, прежде всего, указать, что при совершении речевого акта угрозы говорящий Г (инициатор угрозы) принимает на себя обязательство совершить определенное действие Д, наносящее ущерб адресату А (реципиенту угрозы). В этом отношении речевой акт угрозы оказывается зеркальным отражением речевого акта обещания (общим компонентом смысла в них является принятие на себя обязательств определенного рода, различным — положительное в обещании и отрицательное в угрозе влияние этих обязательств на адресата), что позволяет причислить его к классу комиссивов.

При этом следует отметить, что комиссивные характеристики речевого акта угрозы исключают

возможность причисления его к директивам, суть которых состоит в том, что они побуждают А к совершению действия Д (исполнитель Д=А). Другими словами, угроза не может быть директивным речевым актом, поскольку в любом директиве исполнителем Д является адресат. Такая трактовка речевого акта угрозы приводит к тому, что описываемые многими авторами как угрозы высказывания типа *Don't move or I'll shoot you* следует рассматривать как комплексные речевые акты, включающие две разных иллокуции — директивную и менасивную, а случаи, когда говорящий побуждает А совершить (или не совершать) какое-либо действие (e.g. *[if you move] I'll kill you*), описывать в терминах косвенных речевых актов. При таком подходе речевой акт угрозы представляет собой косвенное средство реализации побуждения (аналогично тому, как констативное высказывание *It's hot here* рассматривается как косвенное побуждение в ситуации, когда оно служит, например, средством выражения просьбы открыть окно). В то же время возникает проблема отграничения речевого акта угрозы от таких речевых актов, как предупреждение (*warning, caution*), в семантике которых также содержится указание на ущерб.

Таким образом, при всем многообразии различных подходов к решению проблемы описания речевого акта угрозы, оптимального, полностью раскрывающего все стороны данного явления, способа пока не найдено. Мы полагаем, что в решении данной проблемы нельзя опираться только на языковые параметры. Наиболее продуктивным для решения этой проблемы представляется прагмалингвистический подход, позволяющий включать в рассмотрение экстралингвистические факторы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Shuy R. W. Language Crimes / R. W. Shuy.* — Cambridge : Blackwell Publishers, 1993. — 108 p.
2. *Серль Джон Р.* Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. — М. : Прогресс, 1986. — Вып. 17. — С. 170—194.
3. *Безменова Н. А.* Некоторые проблемы теории речевых актов / Н. А. Безменова, В. И. Герасимов // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики : сб. обзоров. — М. : ИНИОН, 1984. — С. 146—197.
4. *Ерофеева Е. В.* Прямые и косвенные способы выражения речевого акта угрозы во французском языке / Е. В. Ерофеева // Филологические науки. — 1997. — № 1. — С. 66—74.
5. *Остин Дж.* Слово как действие / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. — М. : Прогресс, 1986. — Вып. 17. — С. 22—31.
6. *Почепцов Г. Г.* Предложение / И. П. Иванова, В. В. Бурлакова, Г. Г. Почепцов // Теоретическая грамматика современного английского языка. — М., 1981. — С. 161—281.
7. *Austin J. L. How to do things with words / J. L. Austin.* — Claredon Press, 1962.
8. *Bach K. Speech Acts and Pragmatics / K. Bach // Blackwell Guide to the Philosophy of Language.* — 2003. — Online.
9. *Leech Geoffrey N. Principles of Pragmatics / Geoffrey N. Leech.* — Longman Group Limited, 1983. — 242 p.
10. *Searle John R. Speech Acts / John R. Searle.* — Cambridge : Cambridge University Press, 1969. — 120 p.
11. *Вендлер З.* Иллокутивное самоубийство / З. Вендлер // Новое в зарубежной лингвистике. — М. : Прогресс, 1985. — Вып. 16. — С. 241—247.
12. *Сусов И. П.* Прагматика дискурса и этнолингвистические проблемы / И. П. Сусов // Прагматика этноспецифического дискурса. Материалы симпозиума. — Бэлць, 1990. — С. 2—5.
13. *Бут Н. А.* Просодические характеристики ситуативно обусловленных иллокутивных актов группы «минативов» (экспериментально-фонетическое исследование на материале современного немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Бут. — Тамбов, 2004. — 14 с.

Воронежский государственный университет
Жучков Д. О., аспирант кафедры английской
филологии
E-mail: dzhutchkov@rambler.ru
Тел.: (4732) 20-84-89

Voronezh State University
Zhutchkov D. O., Postgraduate Student of the English
Philology Department
E-mail: dzhutchkov@rambler.ru
Tel.: (4732) 20-84-89